

А. А. Пасс

**ИСПЫТАНИЕ ВОЙНОЙ: ПРОМЫСЛОВАЯ КООПЕРАЦИЯ
УДМУРТИИ В 1941-1945 гг.**

В статье рассматриваются условия и направления работы кооперативной промышленности Удмуртской АССР в годы Великой Отечественной войны. Подчеркивается, что заявленная тема, особенно в региональном аспекте, современной исторической наукой исследована слабо. С опорой на сформулированные ведущими учеными теоретические положения, среди которых утверждение о смешанном характере «сталинской» экономики, а также на неоинституциональный подход и неопубликованные архивные документы, представлены конкретные данные об объеме и ассортименте изделий, выпускаемых кустарно-промысловыми артелями республики. Уточнено количество действующих предприятий и их членский состав. Аргументируется тезис о том, что уже в начальный период войны, несмотря на тяжелый кризис снабжения, многие товарищества по указанию властей перепрофилировались с гражданской на выпуск военной продукции. Показаны меры по решению таких проблем, как материально-техническое, сырьевое и кадровое обеспечение, борьба с браком. Отдельно освещается сюжет о применении государственных льгот, рыночных механизмов и совершенствовании системы оплаты труда для стимулирования производства товаров широкого потребления, предназначенных к реализации среди населения. Взятые в совокупности, эти шаги привели к выходу промышленной системы на устойчивую траекторию развития. По мнению автора, витальность кооперативного сектора в немалой степени объясняется его включенностью в неформальные экономические отношения. Сделан вывод о том, что именно сочетание жесткого администрирования при выполнении оборонных заказов и утилитарно-прагматической мотивации в деле расширения местного оборота позволяет охарактеризовать политику, проводимую в отношении промысловых артелей, как эффективную.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Удмуртская АССР, смешанная экономика, неоинституциональный подход, кустарные артели, промысловый совет, кооперация инвалидов, перестройка на военный лад, оборонные заказы, производство товаров широкого потребления, административные методы управления, рыночные механизмы.

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-3-396-407

Введение

Минуло 78 лет после победы Советского Союза над гитлеровской Германией, но период 1941–1945 гг. продолжает быть предметом исследования для ученых. Особую когнитивную ценность ему придает экстремальность ситуации, в которой оказались общество и государство, а также то, что на его протяжении имело место тесное переплетение двух всеобъемлющих моделей внутренней политики советского периода – «Военного коммунизма» и «НЭП». Современная обстановка в России и мире, характеризующаяся глобальным обострением геополитических противоречий, по-новому актуализирует исторический опыт тех лет.

В частности, ключевым остается вопрос о советском «экономическом чуде», благодаря которому в короткий срок удалось создать мощный оборонно-промышленный потенциал, позволивший разгромить врага, а затем в кратчайшие сроки без какой-либо помощи извне восстановить разрушенные войной заводы и города. Эффект был достигнут в рамках этатистского¹ авторитарного режима, отождествленного массовым сознанием с социализмом. В качестве побочного результата выявилось хроническое недоразвитие социальной сферы, что стало основанием для суждения о несостоятельности социализма и превосходстве общества, базирующегося на либеральных ценностях, т. е. капиталистического.

В настоящее время нет никаких оснований оперировать такими понятиями, как социализм и капитализм, в чистом виде их попросту нет. На национально-государственном уровне противопоставление следует проводить между доктринерством (левого или правого толка) и политикой, опирающейся на реалии и адекватно отвечающей на «вызов эпохи». Представляется, что экономический

¹ Этатизм – активное вмешательство государства в экономическую и политическую жизнь страны.

курс, проводимый Советским правительством в годы Великой Отечественной войны, в значительной мере отвечал второму определению.

Теоретические основания

Английскому социологу Т. Шанину, кстати, большому знатоку истории нашей страны, принадлежит утверждение о большей эффективности сложных и противоречивых, даже парадоксальных по своему составу социетальных систем с точки зрения роста национальных хозяйств и обеспечения населения [Шанин 1990, 111]. Вторя ему, американский историк Джеймс Миллар считал, что «даже в апогее сталинского периода советская экономика состояла из совокупности государственных и частных предприятий, вне рыночных и рыночных связей, централизованно принимаемых и самостоятельных решений» [Millar 1981, 36-37], то есть являлась смешанной.

Если руководство государственной промышленностью в специальной литературе, посвященной 1941–1945 гг., описано достаточно полно, то роль «частных предприятий» (под определение которых прямо подпадают производственные кооперативы), и «рыночных связей» (посредством которых реализовывалась значительная часть изготовленной продукции), в создании оборонного потенциала и материально-бытовом обслуживании населения в российской историографии по-прежнему не раскрыта, особенно в разрезе автономных республик, краев и областей.

И Удмуртия не является здесь исключением. Издания, в которых затрагивается интересующая нас проблема, исчисляются единицами. Так, в юбилейном издании «XXV лет Советской Удмуртии», увидевшем свет в далеком 1945 г. [XX лет ... 1945, 102] фрагментарно освещена работа мастерских промыслового совета, изготовлявших изделия для фронта. В монографии В. П. Мотревича в 1993 г. приведены сведения о доле кооперированных кустарей в составе населения УАССР [Мотревич 1993, 79]. Ю. Т. Никонов в 2000 г. защитил кандидатскую диссертацию [Никонов 2000], в которой присутствуют сюжеты о выполнении промысловыми артелями республики военных заказов, производстве ими товаров широкого потребления и социальном положении их членов в годы Великой Отечественной войны. Наконец, в книге А. А. Пасса, выполненной на материалах Урала [Пасс 2002], встречаются сведения о деятельности местных кустарных товариществ, а также специфике управления негосударственных секторов экономики и его потенциале в годы военного лихолетья.

Конечно, тему нельзя назвать исчерпанной. Но после ознакомления с имеющейся историографией напрашивается логичный вывод: в 1941–1945 гг. в регионе возник уникальный многоотраслевой индустриально-аграрный комплекс, интегрировавший в свою структуру в том числе и производственные кооперативы. Несмотря на то, что последние были задействованы в поставках оборонной продукции, включающей в себя как промышленные изделия, так и продовольствие, данное обстоятельство не помешало им продемонстрировать незаурядные способности по разворачиванию инициативы и предприимчивости в деле бытового обеспечения населения.

Предлагаемая статья, по существу, является первым специальным исследованием, где представлены конкретные данные об объеме и ассортименте изделий, выпускаемых кустарно-промысловыми артелями в 1941–1945 гг. Привлечение опубликованных и не использовавшихся ранее материалов федеральных (ГАРФ) и региональных (ЦГА УР и ГАОПИ) архивов придает ей дополнительную оригинальность.

Сегодня очевидно, что ряд постулатов исторического материализма и марксистской политэкономии не выдержали проверку временем. Например, вызывает сомнение трудовая теория стоимости, под вопрос поставлены идеи о формационном характере развития общества, безусловном превалировании классовых интересов и соображений выгоды в поведении субъектов и социальных групп. Поэтому в поисках методологических ориентиров понадобилось обращение к сравнительно новому течению научной мысли – институционализму, способному играть роль научной парадигмы при обращении к историческим реалиям социально-экономического развития.

Базовые принципы, на которых строится упомянутый подход, следующие: 1) человеческую природу нельзя упрощенно сводить только к максимизации полезности, такие качества как родительское чувство, любопытство, стремление к самостоятельности и неподнадзорности, патриотизм, невозможно «просчитать», однако они оказывают сильное воздействие на ход истории; 2) между крупной промышленностью и предпринимательством («laissez faire») существует противоречие. Первая нацелена на повышение эффективности всего общественного производства и увеличение валового национального продукта, второе – на получение прибыли для себя, поэтому они постоянно стараются подчинить друг

друга; 3) индустриальное общество состоит из профессиональных групп: капиталистов, менеджеров, наемных рабочих, членов кооперативов, госслужащих и проч. Взаимодействуя между собой на основе ограниченных законодательных правил, они вступают в конфликты, а правительство, как верховный арбитр, стремится не допустить опасных последствий и через нормотворчество обеспечивает выживание нации, консенсус и гармонию интересов.

Результаты и их обсуждение

Изучение документов, хранящихся в Филиале Государственного казенного учреждения «Центральный государственный архив Удмуртской Республики» – Государственный архив общественно-политической истории (ГАОПИ) и Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) позволило обобщить и представить в динамике некоторые статистические данные о состоянии и деятельности кооперативных товариществ, существовавших в УАССР в 1941–1945 гг. Организационно они входили в два республиканских объединения: промышленный совет² и союз кооперации инвалидов³. В первом трудились обычные люди, сообща владевшие предприятием, которое они сами же и создали, во втором – граждане с ограниченными возможностями здоровья, сохранившие частичную работоспособность. Особенностью обеих структур являлось право распределять между пайщиками пятую часть полученной прибыли. До 20 % персонала можно было нанимать на стороне.

Промартели в Удмуртии тяготели к индустриальным центрам, примерно 2/3 их располагалось в городах. Там проще было достать сырье, оборудование, получить консультацию специалистов. Но даже в сельских местностях, которые не обладали развитой кооперативной промышленностью, каждые 2 из 3 поступающих в продажу товаров повседневного спроса изготавливались в промышленных товариществах. Ассортимент изделий был достаточно разнообразным: мебель, обувь, одежда, стройматериалы, продукты питания. Кроме того, товарищества оказывали услуги: погрузо-разгрузочные, транспортные, парикмахерские, ремонтные, по выпасу скота и проч. С началом войны многие кооперативные предприятия переключились на выпуск оборонной продукции, такой как ручные гранаты, обмундирование и военная экипировка, детали боеприпасов, спецукупорка и многое другое. В каждом кооперативе имелось правление, бухгалтерия, производственные цеха и мастерские, техническая часть, склады и сбытовые пункты, а также культсовет, ответственный за проведение просветительской работы.

Таблица 1

Количество промышленных артелей и их членский состав в системе Управления промысловой кооперации при СНК Удмуртской АССР в 1941–1945 гг.

Показатель	1 янв. 1941 г.	1 янв. 1942 г.	1 янв. 1943 г.	1 янв. 1944 г.	1 янв. 1945 г.	1 янв. 1946 г.
артелей	117	111	100	100	105	105
членов	нет данных	нет данных	5414	5264	5780	5409

[ГАОПИ. Ф. 929. Оп. 1. Д. 3. Л. 13,27; Ф. 1093. Оп. 2. Д. 11. Л. 8]

Комментарий: С началом войны число артелей и, по-видимому, их членов несколько уменьшилось вследствие мобилизации. Но в 1943 г. эти цифры стабилизировались. Снижение количества занятых в 1945 г. связано с очередной перестройкой работы кооперативов: военные заказы с них были сняты для наращивания выпуска товаров ширпотреба. Это нарушило сложившиеся во время войны цепочки снабжения и вызвало временное падение производства. В результате усилилась текучесть кадров. К тому же часть эвакуированных и трудмобилизованных, которые ранее устроились на работу в промартели, уплатив вступительный и паевой взносы, увольнялись и возвращались на прежнее место жительства.

² Удмуртский облпромсовет в марте 1941 г., сохранив статус общественной организации, стал подчиняться уполномоченному Управления промысловой кооперации при СНК УАССР, назначаемому областным (республиканским) комитетом Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков).

³ Удмуртский союз кооперации инвалидов входил в компетенцию Наркомата социального обеспечения УАССР.

Таблица 2

Валовая продукция и производство товаров ширпотреба в промышленной кооперации Удмуртии в 1941-1945 гг. (в неизм. ценах 1932 г., в млн. руб.)

Показатель	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
вал	51,8	34,7	41,1	44,9	37,9
ширпотреб	25,3	нет данных	28,0	33,5	28,9

[ГАОПИ. Ф. 929. Оп. 1. Д. 3. Л. 13,27; Ф. 1093. Оп. 2. Д. 25. Л. 15]

Комментарий: В начале войны выпуск валовой кооперативной продукции и товаров для населения в Удмуртии снижался из-за перепрофилирования промартелей на выполнение специальных заказов для оборонных ведомств. После достижения коренного перелома на фронте эту негативную тенденцию удалось преодолеть. Производство ширпотреба даже превысило довоенный уровень. В 1945 г. в связи с переходом с военных на мирные рельсы и ломкой устоявшихся хозяйственных связей наблюдается некоторое падение показателей.

Таблица 3

Число артелей и их членов в системе кооперации инвалидов Удмуртии в 1941–1945 гг.

Год	Показатель	Данные
1941	артелей	18
	членов	2294
1942	артелей	19
	членов	2083
1943	артелей	23
	членов	2909
1944	артелей	25
	членов	2496
1945	артелей	24
	членов	3576

[ГАОПИ. Ф. 928. Оп. 1. Д. 88. Л. 9]

Комментарий: В годы Великой Отечественной войны в инвалидной кооперации Удмуртии количество артелей и число членов в них незначительно выросло (главным образом, за счет разукрупнения, специализации и приема на работу демобилизованных по ранению воинов). При этом необходимо учитывать, что инвалиды не очень охотно устраивались в артели из-за небольшого заработка, отсутствия гарантированных пайков и т. Д. Если у них появлялась возможность, они уходили на госпредприятия.

Таблица 4

Валовое производство и выпуск товаров широкого потребления в кооперации инвалидов Удмуртии в 1941-1945 гг. (в неизм. ценах 1932 г., в тыс. руб.)

Год	Вал	Ширпотреб
1941	10851	8442,2
1942	8972,8	7825,8
1943	12300	11000
1944	12610	11570
1945	12860	11790

[ГАРФ. Ф. 312. Оп. 1. Д. 650. Л. 57, 82; Д. 651. Л. 45, 75 ; Д. 653. Л. 39; Д. 665. Л. 29; Д. 656. Л. 51]

Комментарий: В начале войны в кооперации инвалидов Удмуртии наблюдалось падение как валового выпуска продукции, так и производства товаров повседневного спроса. С 1943 г. республиканский коопинсоюз адаптировался к экстремальным условиям и стал стабильно превышать довоенные показатели. По-видимому, это объясняется тем, что его предприятия имели важное социальное значение и получали поддержку со стороны властей в обеспечении факторами производства.

С началом войны по стране прокатилась волна митингов и собраний, участники которых давали клятву сделать все, чтобы приблизить разгром врага. Состоялись они и в удмуртских кустарно-промышленных кооперативах, где стихийно рождались трудовые почины. Кооператоры-инвалиды Вавожского района Удмуртской АССР заявили: «Мы потеряли здоровье в годы империалистической и гражданской войн. Но у нас еще хватит сил помочь Красной Армии полностью уничтожить врага. Вносим предложение с 4 июля работать по 11 часов в сутки, а если потребуется, то и больше» [Удмуртия... 1974, 29]. Коммунисты из глазовской артели «Производственник» решили ежемесячно отчислять однодневный заработок в фонд обороны [ГАОПИ. Ф. 2202. Оп. 1. Д. 3. Л. 57].

Газета «Правда» в июле 1941 г. писала: «У нас не может быть теперь мирных предприятий, Каждый завод, каждая фабрика должны работать для удовлетворения военных нужд» [Правда 1941, 10 июля]. Специфические особенности промышленной кооперации – разветвленная сеть, большое количество отраслей хозяйства, простота технологии и главное, возможность обойтись без ощутимых государственных вложений – позволили относительно быстро освоить военные изделия. К традиционной номенклатуре, изготавливаемой в артелях – санитарно-обозному имуществу, шанцевому инструменту и обмундированию добавились мины, гранаты, артиллерийские снаряды, походные кухни и т. д.

Трудности, порожденные войной, ставили под угрозу материальное и техническое обеспечение кооперативов. Кое-где это усугублялось поспешными и не до конца продуманными действиями руководителей. В Удмуртской АССР бюро обкома ВКП(б) и СНК республики настояли на переводе республиканского леспромсоюза из Ижевска в село Кыйлуд Нылгинского района, а металлопромсоюза – в деревню Таркан. В обоих населенных пунктах отсутствовали транспорт и связь [Удмуртия 1995, 38-39]. Власти Камбарского района, стремясь ликвидировать отставание по хлебозаготовкам, изъяли всех лошадей у передовой артели «Горн», которая обслуживала Главное интендантское управление Красной Армии [ГАОПИ. Ф. 16. Оп. 14. Д. 566. Л. 4-5]. Чтобы в этих условиях выполнить возросшие задания, кооператорам приходилось идти на дополнительные затраты и трудиться со сверхнапряжением.

Для анализа обстановки, определения путей преодоления имеющихся трудностей и выхода на оптимальный режим функционирования предприятий в Удмуртском обкоме партии в октябре 1941 г. состоялся пленум, где шел разговор и о кооперативной промышленности. В частности, обсуждались причины слабого выполнения облпромсоветом военных заказов и в их числе – недооценка местными властями новой роли промышленных кооперативов. Каждый руководитель, подчеркивалось на пленуме, обязан научиться маневрировать производственными мощностями, уметь выжать из них все, что они могут дать. От председателей артелей потребовали до наступления распутицы обеспечить свои предприятия сырьем; для сушки лыжной болванки использовать зерносушилки, бани, собрать инструмент, находящийся в личном пользовании, школьных мастерских и т. д. Особый акцент был сделан на развитии надомничества [ГАОПИ. Ф. 16. Оп. 14. Д. 3. Л. 103,107,108].

Реализацию намеченных мероприятий контролировали промышленные отделы партийных комитетов. Так, промотдел Удмуртского обкома помог прекратить текучку специалистов в артелях, запретив снимать их без санкции обкома, и создал совещание вторых секретарей РК ВКП(б), посвященное работе местной промышленности и промкооперации. Была установлена прямая телефонная связь промотдела с секретарями райкомов, а тех, в свою очередь, с председателями кооперативов. Постепенно вошло в практику проведение семинаров с участием руководящих работников артелей. За 1942 г. состоялось 5 таких встреч.

Ветхий станочный парк и устаревшие машины, которыми располагали промартели, не способствовали дальнейшему наращиванию военного производства. Это беспокоило административные органы. Их представители, прежде чем разместить то или иное задание, посещали артель, осматривали ее промфонд, интересовались финансовым положением. Полученная информация выносилась на обсуждение. На поступающие с мест сигналы о неудовлетворительном техническом обеспечении заданий ГКО власти старались реагировать незамедлительно. Артелям передавали незадействованное оборудование с эвакуабаз и эвакуированных предприятий.

Поскольку материально-техническое снабжение было проблемой для всего региона, ее попытались решить централизованно. В августе и ноябре 1942 г. она рассматривалась на коллегии Управления промышленной кооперации при СНК РСФСР. В результате в Удмуртском облпромсовете открылись мастерские по реставрации оборудования, которое приходило с заводов союзного подчинения [ГАРФ. Ф. 395. Оп. 1. Д. 15. Л. 3]. Для технической консультации с государственными предприятиями

присылали опытных специалистов. Как следствие, в 1942–1945 гг. наблюдалось частичное обновление и рост кооперативного промфонда.

Зачастую на выполнение задания не отпускалось сырьё. Это значило, что надо проявить инициативу и изыскать материалы на месте. Так поступили удмуртские артельщики в январе 1942 г. Из отходов кирзы Сарапульской обувной фабрики они пошили свыше 3,5 тыс. минометных патронташей [ГАРФ. Ф. 396. Оп. 2. Д. 6. Л. 10].

Разумеется, не маленькие кустарно-промысловые товарищества определяли боеспособность армии. Но та посильная лепта, которую они вносили, тоже была не лишней и помогала крушить врага. Вносились и денежные пожертвования. Сарапульская «Гарантия» (УАССР) перечислила на строительство самолетов 31 тыс. руб., увинский «Кустарь» на танки – 24 тыс. руб. [Урал ковал победу ... 1993, 307–310]. Общая сумма поступлений в фонд обороны от кооператоров республики составила 512679 руб. Они получили благодарность Верховного Главнокомандующего [Удмуртия ... 1974, 229–230].

Продуктивность промысловой кооперации зависела и от наличия в системе необходимых трудовых ресурсов. Мобилизация в Красную Армию серьезно обострила кадровую проблему. Заменяя ушедших, в члены кооперативов вступали женщины. Они с успехом осваивали профессии, до того считавшиеся мужскими: сапожников, слесарей, формовщиков и т. Д. Многих из них выдвигали на административные посты. Женщин-тружениц отличали добросовестность, дисциплинированность, трудолюбие порой в большей степени, чем мужчин.

Неверным было бы представлять дело так, будто переложив тяготы на женские плечи, местные органы власти и коллективы кооперативных предприятий на этом успокоились. Для привлечения в артели мужчин и специалистов использовали малейшую возможность. Приглашали расквартированных поблизости или находящихся на излечении воинов. В межсезонье мобилизовывались колхозники и рабочие совхозов. В соответствии с постановлениями СНК СССР «О трудовом устройстве инвалидов Отечественной войны» [Собрание постановлений ... 1942, № 5, 88–89] от 6 мая и «О привлечении на время войны инвалидов III группы, получающих пенсию по государственному социальному страхованию, на работу в предприятия и учреждения» [Указатель ... 1980, 83] от 28 августа 1942 г. в артели инвалидов зачисляли военнотружеников, уволенных в запас по ранению. Областные коопинсоюзы обучали их различным специальностям. Так, в Удмуртской АССР в 1942 г. – 112, а в 1943 г. – 390 инвалидов прошли через учебно-курсовую базу коопинсоюза и приобрели квалификацию, позволившую им вступить в кооператив [ГАОПИ. Ф. 928. Оп. 1. Д. 88. Л. 3].

Важным почином, помогавшим решить проблему повышения производительности труда, стало движение за создание комсомольско-молодежных бригад. Только за полтора года, с января 1944 г. по июль 1945 г., в Удмуртском республиканском управлении промысловой кооперации их число выросло с 7 до 133. Если раньше в них насчитывалось 53 юношей и девушек, то к концу войны – 1025, причем каждый второй выполнял план на двести и более процентов. [ГАОПИ. Ф. 1093. Оп. 2. Д. 53. Л. 58]. Бригадный метод предусматривал разделение производственного процесса на конкретные операции. Стала возможной взаимозаменяемость, поскольку каждый работник овладевал несколькими профессиями. Кроме того, прежде мастер давал индивидуальные задания на смену и проконтролировать всех не успевал. Бригадир ближе стоял к отдельному труженику, такому же молодому человеку, как и он сам, и был в состоянии обращать внимание на мелочи, которые нередко имели решающее значение. После внедрения данного метода занятые в ижевской артели «Металлист» подростки перестали совершать прогулы. За счет поданных ими рацпредложений только в течение одного месяца удалось сэкономить 7 тыс. руб. [ГАОПИ. Ф. 278. Оп. 3. Д. 258. Л. 113; Удмуртская правда 1944, 24 марта].

Беззаветный труд работников системы промкооперации был отмечен правительственными наградами. Так, председатель удмуртской артели «Горн» В. Е. Кондюрин и токарь Р. В. Савицких получили орден «Знак Почета», начальник механического цеха В. Д. Новиков и кузнец Ф. И. Кашмин удостоились медали «За трудовую доблесть», а технического руководителя товарищества «Большевик» М. Е. Басса представили к медали «За трудовое отличие» [Удмуртская правда 1944, 25 января].

В годы Великой Отечественной войны кустпромкооперация, наряду с выполнением фронтовых заданий, продолжала обеспечивать тружеников тыла товарами массового спроса. Эта деятельность приобрела особую важность в связи с тем, что государственные предприятия союзного и республиканского подчинения целиком переключились на оборону. Естественно, неожиданный и ускоренный перевод промкооперативной системы республики на военные рельсы вызвал падение производства товаров широкого потребления. Сворачивались многие гражданские отрасли, такие как мебельное и

гончарное дело, индивидуальный пошив обуви и одежды, сузилась сфера предоставляемых кооперативами услуг. Даже то, что по отчетам артелей числилось ширпотребом, предназначалось, главным образом, внерыночным потребителям – Наркоматам Оборона, Внутренних дел, Военно-морского флота. Наблюдались случаи, когда артель, специально предназначенная для удовлетворения бытовых нужд, переводилась на выполнение фронтового задания. При этом председатели кооперативов расторгли ранее заключенные договоры на услуги и товары ширпотреба, так как понимали, что справиться с работой одновременно по двум направлениям не удастся, к тому же за срыв поставок армейского обмундирования или боеприпасов могла грозить тюрьма.

К осени 1941 г. ситуацию в жизнеобеспечении региона можно было охарактеризовать как чрезвычайную. Однако Удмуртский обком ВКП(б) продолжал определять развитие кооперативного сектора автономной республики, исходя из довоенного постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по увеличению производства товаров широкого потребления и продовольствия из местного сырья». Бюро обкома 13 ноября 1942 г. заслушало информацию о его выполнении [ГАОПИ. Ф. 16. Оп. 14. Д. 281. Л. 4,5]. Эта линия не отвечала текущему моменту. Она не учитывала изменения, которые война внесла в функционирование народнохозяйственного комплекса в целом и кооперативной промышленности в частности. Первоначально не предполагалось, что большинство артелей будет задействовано на оборону и им придется работать с двойной нагрузкой: наряду со спецделами наращивать производство товаров для населения⁴.

Постановление центральных органов от 7 января 1941 г., ориентируя кооператоров на использование отходов и местных материалов, предусматривало обеспечение промартелей государственным недефицитным фондовым сырьем. В расчете на это облпромсоветы расширяли мощности, строили новые цеха. А когда грянула война, то даже военные заказы, размещаемые в кооперативах, не всегда подкреплялись фондами. Невозможно было предвидеть массовый отток из промышленной кооперации квалифицированных специалистов. Возникла новая, неведомая в мирное время проблема: как заставить кустарные предприятия не только не уменьшать выпуск гражданской продукции, но и разнообразить ее ассортимент. Ответы на эти вопросы январское постановление 1941 г. не давало, а потому не было необходимости строго ему следовать. Тем более, что в 1942 г. правительство СССР дважды, 2 января и 25 августа, выносило решения, касающиеся изготовления предметов повседневного спроса промышленностью местного подчинения [Сборник указов ... 1945, 154–156].

В соответствии с ними, облисполкомы и СНК автономных республик получили право отбирать на машиностроительных, металлообрабатывающих, металлургических заводах и на базах Главвторчермета лом и отходы металла и передавать их артелям для изготовления товаров ширпотреба. Кооператоры допускались к децентрализованным заготовкам картофеля, овощей, бахчевых культур и фруктов. Им разрешалось шить обувь и одежду из шерсти, льна, кожи, которые поступали от колхозов в порядке натуроплаты за переработку давальческого сырья, и самостоятельно реализовывать эти товары.

Оборудование и инструмент, произведенные в промкооперации после 1 января 1942 г., перестали включаться в общий план использования и предназначались теперь исключительно для выпуска домашней утвари и хозяйственно-бытового инвентаря. Запрещалось снятие председателей артелей без согласия облисполкомов и СНК автономий. Устанавливались ежемесячные премии передовым коллективам и их руководителям. Надомники, выполняющие суточные нормы, по снабжению продовольствием приравнивались к персоналу предприятий, заказы которых они исполняли. Промысловые кооперативы освобождались от налога с оборота и бюджетной разницы с добываемой ими соли. Кроме того, 5 % валовой и 50 % сверхплановой продукции оставалось теперь в распоряжении облпромсоветов.

Постановления правительства дали ощутимый импульс развитию предприятий и отраслей, обслуживающих первоочередные нужды трудящихся. В Удмуртском республиканском управлении промкооперации были созданы специализированные артели по сбору металлолома и утиля, которые поставляли материалы непосредственно в цеха ширпотреба и ремонтные мастерские, минуя переvalочные базы. Однако, зачастую заводское начальство чинило препятствия кооператорам в сортировке и отгрузке отходов, требуя взамен разные изделия. Иногда после безуспешных попыток получить

⁴ В дальнейшем, по указаниям ГКО, СНК СССР промышленная кооперация привлекалась к производству строительных материалов: кирпича, извести, черепицы, мела и алебастра, предназначенных для возведения жилья, а также сельскохозяйственных орудий и запчастей к машинам и тракторам, в которых ощущалась острая нужда.

что-либо в общем порядке руководители кооперативов шли на заключение сомнительных сделок с директорами госпредприятий. Например, в 1942 г. в удмуртский «Труженик» по распоряжению Ижевского горкома партии должна была поступить обрезь с Сарапульского кожевенного комбината. Но кооператоры из Свердловска перекупили дефицитное сырье за наличный расчет по завышенной цене [ГАОПИ. Ф. 54. Оп. 2. Д. 1687. Л. 135].

Порой артели подражались изготовить определенное количество товаров широкого потребления в счет плана организации, от которой поступало сырье, и та, не утруждаясь, успешно рапортовала о выполнении своего задания. Радовали глаз и сводки облпромсовета. В итоге, все числились в стахановцах, а товаров на прилавках не прибавлялось. Исполкомы Советов и партийные комитеты были осведомлены об этих «хитростях», но активно им не препятствовали. Они, видимо, по-житейски входили в положение артельщиков, которые таким образом обеспечивали воспроизводство на своих предприятиях. В этой связи британский историк М. Харрисон заключил, что в годы войны многие руководители советских предприятий, включая кооперативы, не гнушались прибегать к манипуляциям и даже мошенничеству при составлении отчетов о выполненной работе [Harrison 2011, 59].

Впрочем, данный вывод зарубежного исследователя нуждается в дополнительной верификации на более широкой источниковой базе.

Если горожане могли время от времени покупать в магазинах и на рынках одежду, обувь и другие вещи, то для сельского жителя приобрести что-либо было сложно. В Удмуртской АССР в годы войны почти прекратилась продажа колхозникам фондируемых промышленных товаров [Удмуртия ... 1996, 219]. В 1943 г. консультанты Удмуртского обкома ВКП(б) для партийного и хозяйственного актива области подготовили 4-часовой доклад на тему «Местная и кооперативная промышленность». В нем отмечалось, что характерной особенностью в руководстве сельских райкомов промышленной кооперацией является пренебрежительное отношение к нуждам артелей, которые находятся в роли несчастных пасынков у злой мачехи. Если председатель кооператива обращался в РК ВКП(б) за помощью, то зачастую ее не получал. А чтобы он впредь не донимал своими просьбами, его посылали уполномоченным в какой-нибудь отдаленный сельсовет и не разрешали возвращаться в район месяца два [ГАОПИ. Ф. 16. Оп. 14. Д. 676. Л. 101].

Росту промкооперативной системы, а значит, увеличению предложения товаров и услуг отнюдь не способствовала проводимая центром налоговая политика. В мае 1943 г. в Правительство республики поступила инструкция Наркомата финансов СССР, в соответствии с которой налогообложение кооперированных кустарей и ремесленников, а также надомников - членов артелей - устанавливалось на 10% выше, чем для занятых в госсекторе [Сборник важнейших ... 1945, 156-157]. Фискальный характер данного нововведения очевиден. Но эффект получился обратный ожидаемому: люди покидали артели. В декабре 1943 г. бюро Можгинского РК ВКП(б) Удмуртской АССР констатировало, что наблюдается выход квалифицированных мастеров из промысловых товариществ [ГАОПИ. Ф. 311. Оп. 1. Д. 110. Л. 66]. Индивидуальная деятельность, даже при малой продуктивности, давала гораздо больше средств к существованию.

Дискриминация и эксплуатация кооперативов в качестве дарового резерва при переводе народного хозяйства на военный лад объективно ставила проблему «компенсации» им как «проигравшей стороне». На обыденном уровне необходимость уступок понимали и начальники, и подчиненные. Восполнить потери проще всего можно было на рынке потребительских товаров и услуг. С высоких трибун, со страниц периодической печати все чаще стали звучать призывы развязать деловую инициативу артелей, предоставить им больше самостоятельности, полнее использовать экономические методы управления.

Известное улучшение конъюнктуры наступило в 1944 г., когда местные власти разрешили беспрепятственный прием материалов от населения и воспретили промкооперации принимать давальческое сырье от учреждений. Кроме того, теперь руководители кустарно-промысловой кооперации могли ходатайствовать перед исполкомами об увеличении отпускных цен для подъема рентабельности. Некоторые виды дефицитных товаров, например, мыло, свечи, зубной порошок, спички, моющие средства с мая 1943 г. перестали облагаться налогом с оборота [Собрание постановлений ... 1943, 119], а так как цены остались прежними, то данная мера сделала их производство очень выгодным. В сентябре 1944 г. Управление промкооперации при СНК РСФСР утвердило положение о прогрессивно-сдельной оплате труда в артелях, производящих ширпотреб. Новые расценки применялись по следующей шкале: при превышении норм выработки на 40 % рабочий получал до 75% надбавки; пере-

выполнение плана более чем на 40 % удваивало вознаграждение [Промысловая кооперация 1949, 159–162]. Этим создавался дополнительный стимул к ударному труду.

Организационно-хозяйственные преобразования 1943 – 1944 гг. возвращали промкооперацию к традиционной и привычной деятельности по удовлетворению нужд трудящихся. Упор на экономические рычаги управления повышал ее эффективность. Это позволило увеличить производственные показатели примерно в 1,5 раза. На кооператоров активно воздействовали с целью заключения ими соглашений с ОРСаами, сельпо, торговыми. Удмуртский промысловый совет за 1943 г. и 1 квартал 1944 г. передал ижевским магазинам изделий на сумму 299 тыс. руб., на 53 тыс. руб. больше, чем предполагалось. От 70 до 90 % изготовленного артельщиками конно-обозного инвентаря реализовывалось через потребительскую кооперацию и конторы сельхознаба. [ГАОПИ. Ф. 16. Оп. 14. Д. 734. Л. 7; Д. 906. Л. 17].

Но абсолютная прозрачность товаропотоков и безналичные расчеты с отсрочками платежа при сотрудничестве с розничной сетью мало устраивали производителей. Их больше привлекала свободная продажа на базаре, а также связь со всевозможными заводами и учреждениями, которая сулила дополнительный выигрыш. Подобная «маркетинговая стратегия» среди кооператоров была весьма популярна еще и потому, что по мнению британских историков Дж. Барбера и уже цитированного выше М. Харрисона «во время войны сталинское правительство приостановило свою враждебность к частному производству и рынку, закрыло глаза на неформальную и теоретически незаконную экономическую деятельность» [Barber, Harrison 1991, 99].

Поэтому некоторые артели, чтобы «остаться на плаву» и достичь приемлемого уровня доходности, прибегали к товарообмену с выгодным для себя коэффициентом или к теневым каналам сбыта готовой продукции. Так, Можгинские кустари из «Красного знамени» скромные партии изделий собственного производства обменивали у колхозов на большое количество фуража, который затем дорого продавали владельцам индивидуальных подсобных хозяйств [ГАОПИ. Ф. 311. Оп. 1. Д. 99. Л. 16]. Естественно, данные операции не отражались в бухгалтерской отчетности, а внезапные проверки кооперативных складов обнаруживали запасы самых разнообразных товаров и полуфабрикатов при пустых магазинных полках. Отступление от норм закона, несмотря на его вынужденный характер, деформировало нравственные принципы у некоторых руководителей и членов артелей. Именно к периоду войны, по меткому замечанию американского историка И. Бирмана, относится создание в СССР морального климата, способствующего распространению так называемой «второй» или нелегальной экономики [Birman 1980, 9–10].

Крайний дефицит на потребительском рынке порождал уверенность в том, что любой предмет, даже некондиционный, легко удастся сбыть. Эти настроения, широко распространенные в артельной среде, беспокоили правительственные органы. Так, в апреле 1945 г. СНК РСФСР принял постановление «Об улучшении качества товаров широкого потребления, вырабатываемых местной промышленностью, промысловой кооперацией и кооперацией инвалидов», по которому в цехах образовывались отделы технического контроля, а в мастерских выделялись лица, ответственные за качество. В отношении председателя кооператива, начальника ОТК, маркировщика, если они допускали систематический брак, вводилась уголовная ответственность [Хронологическое собрание ... 1958, 442–443]. В Удмуртской АССР борьбе с браком были посвящены специальное заседание бюро обкома партии, республиканское совещание и конференция руководителей кулспромкооперации Ижевска [ГАОПИ. Ф. 1093. Оп. 9. Д. 69. Л. 13; ГАОПИ. Ф. 16. Оп. 14. Д. 724. Л. 5,6]. В результате на подавляющее большинство изделий были установлены технические условия, практически каждое товарищество обзавелось собственным клеймом и службой бракеража [ГАОПИ. Ф. 16. Оп. 14. Д. 724. Л. 6].

Вывод

В 1941–1945 гг. вопросы деятельности кооперативной промышленности по удовлетворению потребностей населения находились в сфере внимания государства, хотя и не относились к числу приоритетных. Опыт показал, что административно-приказные методы и приемы, которые позволили форсировать выполнение удмуртскими артелями фронтowych заказов, были не столь действенны, когда речь шла о товарах массового спроса. Преодолеть кризис системы жизнеобеспечения удалось благодаря известной корректировке ее построения. В русле практической политики изменения выразились в допущении, насколько позволяли обстоятельства, утилитарно-прагматической мотивации хозрасчетных и самоуправляемых промысловых артелей, что и привело к расширению местного оборота.

Основными поставщиками кооперативных товаров являлись небольшие коллективные предприятия, расположенные вблизи индустриальных районов, насыщенных инфраструктурой. Их взаимодействие с партийными органами, сосредоточившими в своих руках координирующие, арбитражные и посреднические функции, давало удачный пример сочетания индивидуалистической и авторитарно-централизованной производственных культур. Это обеспечивало оптимальную в тех условиях эффективность народнохозяйственного комплекса, в который вовлекались дополнительные ресурсы. Иначе они оказались бы невостребованными.

ЛИТЕРАТУРА

- XXV лет Советской Удмуртии*. Ижевск, 1945. 210 с.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 395. Оп. 1. Д. 15.
- ГАРФ. Ф. 396. Оп. 2. Д. 6.
- Мотревич В. П.* Сельское хозяйство Урала в показателях статистики 1941-1950 гг. Екатеринбург: УрО РАН, 1993. 306 с.
- Никонов Ю. Т.* История промысловой кооперации Удмуртии (1920-1960 гг.). Дис. ... канд. ист. н. Ижевск, 2000. 224 с.
- Пасс А. А.* «Другая» экономика: производственные и торговые кооперативы на Урале в 1941–1945 гг. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2002. 235 с.
- Правда. 1941, 10 июля.
- Промысловая кооперация. Сборник важнейших постановлений. М., 1949. 336 с.
- Сборник важнейших законов и постановлений по заработной плате. М., 1945. 204 с.
- Сборник указов, постановлений и распоряжений. 1941-1945 гг. Челябинск, 1945. 564 с.
- Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР. 1942. № 5.
- Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР. 1943. № 7.
- Удмуртия в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Ижевск, 1974. 247 с.
- Удмуртия в Великой Отечественной войне 1941-1945. Ижевск, 1995. 368 с.
- Удмуртская правда. 1944, 25 января, 24 марта.
- Указатель важнейших решений партии и правительства, принятых во время Великой Отечественной войны. Часть 1. М., 1980. 183 с.
- Урал ковал победу. Челябинск, 1993. 384 с.
- Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений правительства РСФСР. М., 1958. Т.3. 638 с.
- Филиал Государственного казенного учреждения «Центральный государственный архив Удмуртской Республики» – Государственный архив общественно-политической истории (ГАОПИ). Ф. 16. Оп. 14. Д. 3.
- ГАОПИ. Ф. 16. Оп. 14. Д. 281.
- ГАОПИ. Ф. 16. Оп. 14. Д. 566.
- ГАОПИ. Ф. 16. Оп. 14. Д. 676.
- ГАОПИ. Ф. 16. Оп. 14. Д. 724.
- ГАОПИ. Ф. 16. Оп. 14. Д. 734.
- ГАОПИ. Ф. 16. Оп. 14. Д. 906.
- ГАОПИ. Ф. 54. Оп. 2. Д. 1687.
- ГАОПИ. Ф. 278. Оп. 3. Д. 258.
- ГАОПИ. Ф. 311. Оп. 1. Д. 99.
- ГАОПИ. Ф. 311. Оп. 1. Д. 110.
- ГАОПИ. Ф. 2202. Оп. 1. Д. 3.
- Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГАУР). Ф. 928. Оп. 1. Д. 88.
- ЦГАУР. Ф. 1093. Оп. 2. Д. 53.
- ЦГАУР. Ф. 1093. Оп. 9. Д. 69.
- Шанин Т.* Формы хозяйства вне систем // Вопросы философии. 1990. № 8. С. 109-115.
- Barber, John & Harrison, Mark.* The Soviet home front, 1941-1945: a social and economic history of the USSR in World War II. (Longman, 1991). 252 p.
- Birman I.* Second and First Economies and Economic Reforms (In Russian) / Conference on «The Second Economy of the USSR». January 24-25. Washington, 1980. 34 p.
- Harrison M.* Forging Success: Soviet Managers and Accounting Fraud, 1943 to 1962 // Journal of Comparative Economics. 2011. Vol. 39. № 1. PP.43-64.
- Millar J. R.* The ABC of Soviet socialism. Chicago, 1981. 215 p.

Пасс Андрей Аркадьевич

доктор исторических наук

профессор кафедры политических наук и международных отношений

ФГБОУ ВО Челябинский государственный университет

454001, Челябинская обл., г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129

E-mail: pass_andrey@mail.ru

A. A. Pass**TEST BY WAR: PRODUCERS' CO-OPERATION OF UDMURTIA IN 1941–1945**

DOI: 10.35634/2224-9443-2023-17-3-396-407

The article discusses the conditions and directions of the cooperative industry of the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic during the Great Patriotic War. It is emphasized that the declared topic, especially in the regional aspect, has been investigated weakly by modern historical science. Based on the theoretical provisions formulated by leading scientists, among which the statement about the mixed nature of the “Stalinist” economy, as well as on the neo-institutional approach and unpublished archival documents, the author presents specific data on the volume and assortment of products manufactured by the producers’ co-operation of the republic. The number of existing enterprises and their membership staff is clarified. The thesis is argued that already in the initial period of the war, despite the severe supply crisis, many partnerships, on the instructions of the authorities, were re-profiled from civilian production to the production of military products. Measures are shown to solve problems such as material, technical, raw materials and personnel support, and the fight against defects. Separately, the plot is illuminated about the use of state benefits, market mechanisms and the implementation of piece-processing wages to stimulate the production of wide consumption products intended for sale among the population. Taken in conjunction, these steps led to bringing the production system to a stable development path. According to the author, the vitality of the cooperative sector to a large extent is explained by its inclusion in informal economic relations. It was concluded that it is precisely the combination of strict administration when performing defense orders and utilitarian-pragmatic motivation in the expansion of local turnover that makes it possible to characterize the policy pursued in relation to commercial artels as an effective one.

Keywords: Great Patriotic War, Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic, mixed economy, neo-institutional approach, artisanal artels, producers’ council, cooperation of the disabled, conversion to military production, defense orders, production of widespread consumption, administrative mechanisms, market mechanisms.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2023, vol.17, issue 3, pp. 396-407. In Russian.

REFERENCES

- XXV let Sovetskoj Udmurtii* [XXV years of Soviet Udmurtia]. Izhevsk, 1945. 210 p. In Russian.
- Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii* (GARF). F. 395. Op. 1. D. 15. In Russian.
- GARF. F. 396. Op. 2. D. 6. In Russian.
- Motrevich V. P.** *Sel'skoe hozjajstvo Urala v pokazateljah statistiki 1941-1950 gg* [Agriculture of the Urals in terms of statistics 1941-1950 years]. Ekaterinburg, UrO RAN, 1993. 306 p. In Russian.
- Nikonov Ju. T.** *Istorija promyslovoj kooperacii Udmurtii (1920-1960 gg.): Dis. kand. ist. nauk.* [History of production cooperation in Udmurtia (1920-1960) Cand. hist. sci. diss.]. Izhevsk, 2000. 224 p. In Russian.
- Pass A. A.** «*Drugaja*» *jekonomika: proizvodstvennye i torgovye kooperativy na Urale v 1941-1945 gg.* ["Another" economy: production and trade cooperatives in the Urals in 1941-1945]. Cheljabinsk, Chelyabinsk State University, 2002. 235 p. In Russian.
- Pravda*. 1941, 10 ijulja. In Russian.
- Promyslovaja kooperacija. Sbornik vazhnejshih postanovlenij.* [Producers’ co-operation. Collection of the most important decrees]. M., 1949. 336 p. In Russian.
- Sbornik vazhnejshih zakonov i postanovlenij po zarabotnoj plate.* [Collection of the most important laws and regulations on wages]. M., 1945. 204 p. In Russian.
- Sbornik ukazov, postanovlenij i rasporyzhenij. 1941-1945 gg.* [Collection of decrees, resolutions and orders. 1941-1945 years]. Cheljabinsk, 1945. pp.154-156. In Russian.
- Sobranie postanovlenij i rasporyzhenij pravitel'stva SSSR.* [Collection of resolutions and orders of the government of the USSR]. 1942. № 5; 1943. № 7. In Russian.
- Udmurtija v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941-1945 gg.* [Udmurtia in the Great Patriotic War 1941-1945]. Izhevsk, 1974. 247 p. In Russian.
- Udmurtija v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941-1945.* [Udmurtia in the Great Patriotic War 1941-1945]. Izhevsk, 1995. 368 p. In Russian.

- Udmurtskaja pravda*. [Udmurt truth]. 1944, 25 janvarja, 24 marta. In Russian.
- Ukazatel' vazhnejshih reshenij partii i pravitel'stva, prinjatyh vo vremja Velikoj Otechestvennoj vojny. Chast' I*. [Index of the most important decisions of the party and government adopted during the Great Patriotic War. Part 1.]. M., 1980. 183 p. In Russian.
- Ural koval pobedu*. [Ural forged victory]. Cheljabinsk, 1993. 384 p. In Russian.
- Hronologicheskoe sobranie zakonov, ukazov Prezidiuma Verhovnogo Soveta i postanovlenij pravitel'stva RSFSR*. [Chronological Collection of Laws, Decrees of the Presidium of the Supreme Soviet and Decrees of the Government of the RSFSR]. M., 1958. T.3. 638 p. In Russian.
- Centr dokumentacii novejshej istorii Udmurtskoj Respubliki (CDNIUR)*. F. 16. Op. 14. D. 3. L. 103, 107, 108. In Russian.
- CDNIUR. F. 16. Op. 14. D. 281. In Russian.
- CDNIUR. F. 16. Op. 14. D. 566. In Russian.
- CDNIUR. F. 16. Op. 14. D. 676. In Russian.
- CDNIUR. F. 16. Op. 14. D. 724. In Russian.
- CDNIUR. F. 16. Op. 14. D. 734. In Russian.
- CDNIUR. F. 16. Op. 14. D. 906. In Russian.
- CDNIUR. F. 54. Op. 2. D. 1687. In Russian.
- CDNIUR. F. 278. Op. 3. D. 258. In Russian.
- CDNIUR. F. 311. Op. 1. D. 99. In Russian.
- CDNIUR. F. 311. Op. 1. D. 110. In Russian.
- CDNIUR. F. 2202. Op. 1. D. 3. In Russian.
- Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Udmurtskoj Respubliki (CGAUR)*. F. 928. Op. 1. D. 88. In Russian.
- CGAUR. F. 1093. Op. 2. D. 53. In Russian.
- CGAUR. F. 1093. Op. 9. D. 69. In Russian.
- Shanin T.** Formy hozjajstva vne sistem [Household forms outside the systems] // *Voprosy filosofii*. [Questions of Philosophy], 1990. №8. pp. 109-115. In Russian.
- Barber, John & Harrison, Mark.** *The Soviet home front, 1941-1945: a social and economic history of the USSR in World War II*. Longman, 1991. 252 p.
- Birman I.** Second and First Economies and Economic Reforms (In Russian) / *Conference on «The Second Economy of the USSR»*. Janiary 24-25. Washington, 1980. 34 p.
- Harrison M.** Forging Success: Soviet Managers and Accounting Fraud, 1943 to 1962 // *Journal of Comparative Economics*. 2011. Vol.39. № 1. pp. 43-64.
- Millar J. R.** *The ABC of Soviet socialism*. Chicago, 1981. 215 p.

Received 27.02.2023

Pass Andrey Arkadyevich
Doctor of Historical Sciences
Professor of the Department of Political Sciences and International Relations
Chelyabinsk State University
129. Brothers Kashirin st., Chelyabinsk, 454001, Russia
E-mail: pass_andrey@mail.ru